

«В МОЕМ ЛИЦЕ ВЫ ИМЕЕТЕ УБЕЖДЕННОГО СТОРОННИКА ФРАНКО-СОВЕТСКОГО СБЛИЖЕНИЯ»: ШАРЛЬ АЛЬФАН, ПОСОЛ ФРАНЦИИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ (1933–1936 гг.).¹

Статья посвящена деятельности французского дипломата Шарля Альфана на посту посла Франции в Советском Союзе в 1933–1936 гг. Он принадлежал к той группе французской военно-политической элиты, которая в начале 1930-х гг. доказывала необходимость сотрудничества с СССР в качестве противовеса растущей германской угрозе. В ходе своей работы в Москве Альфан делал ставку на создание плотной сети контактов между СССР и французскими военно-политическими и деловыми кругами, пытаясь при этом отодвинуть на второй план конфликтные вопросы. Особое внимание Альфан уделял перспективе первоочередного развития военных и торгово-экономических связей, однако в силу ряда обстоятельств она осталась нереализованной в полной мере. Успехом посла стало заключение советско-французского пакта о взаимопомощи в мае 1935 г., однако его предложения по углублению сотрудничества вплоть до формирования двустороннего альянса не были воплощены в жизнь.

Ключевые слова: Альфан; Литвинов; Барту; советско-французский пакт о взаимопомощи 1935 г.

Советско-французское сближение в 1930-е гг. достаточно подробно исследовано в историографии. Ему посвящены специальные работы отечественных [1, 5, 6], французских [4, 10, 17, 24], англо-американских историков [8, 20, 23]. В них уделено большое внимание генезису политики коллективной безопасности на фоне роста военной угрозы в Европе, изменению курса советской дипломатии, переговорам о заключении в 1935 г. пакта о взаимопомощи между двумя странами. Вместе с тем в тени остается целый ряд важных проблем, без освещения которых общая картина советско-французских отношений накануне Второй мировой войны остается неполной. Так, малоизученным остается весь комплекс личных

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского Научного Фонда (проект № 20–78–10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890–1930-х гг.»)

контактов между советскими и французскими представителями по вопросу о возможности углубления политического взаимодействия. В трудах А. Баша [7], Ф. Гельтона [18, 19], Э. дю Рео [22] показан ход консультаций, шедших при участии группы французских военных, лоббировавших сотрудничество с Красной Армией. Освещено и отношение советской стороны к этим переговорам. Однако практически не исследована работа французских дипломатов в Москве, которые, начиная с 1933 г., были активно вовлечены в процесс качественной перестройки двусторонних отношений. Одной из наиболее ярких фигур среди них является посол Франции в СССР в 1933–1936 гг. Шарль Альфан.

Его фигура плохо известна историкам. Биографические справочники сообщают, что Альфан родился в 1879 г., обучался в школе живых восточных языков и в 1902 г. поступил на службу в министерство иностранных дел, где занял пост личного секретаря министра Теофиля Делькассе. В 1922 г. входил в состав французской делегации на Генуэзской конференции, в 1930 г. занял пост посла Франции в Ирландии, в 1932 г. стал руководителем кабинета главы правительства и министра иностранных дел Эдуарда Эррио. В 1933–1936 гг. был послом Франции в СССР, а затем — в Швейцарии. Скончался в 1942 г.² Альфан, таким образом, не принадлежал к первому ряду французских дипломатов, в его послужном списке не было высоких постов в главных мировых столицах: Дублин и Берн к их числу, очевидно, не относились.

Сам Альфан признавал, что «не является “дипломатом карьеры” в настоящем смысле этого слова, поскольку он почти всю свою жизнь провел на внутренней работе во Франции» [2, с. 415]. Вместе с тем, он обладал рядом качеств, которые оказались уместны именно в ходе его миссии в Москве. Военный атташе Франции в СССР полковник Эдмон Мандра, близко знавший Альфана, писал: «Это был представительный человек, в каждом движении которого чувствовалась воля. Он знал жизнь, но всегда сохранял добродушие, умел внушить симпатию, обладал практическим чувством

² Alphan, Charles // <https://francearchives.fr/findingaid/555e45c2d747b246d09a29e40497803c0aa15e60>; Monnier V. Charles-Hervé Alphan // <https://hls-dhs-dss.ch/fr/articles/028504/2002-06-14/>

и развитой интуицией, искусством вести переговоры в самой сложной ситуации, мог касаться самых острых проблем так, как будто речь и о них вовсе не шла, если хотел — мог сбить с толку и привести собеседника к нужному выводу самыми окольными путями» [7, р. 25].

Альфан был близок к политикам-левоцентристам Жозефу Поль-Бонкуру и Э. Эррио, и выбор его фигуры для отправки в Москву имел вполне конкретные причины. В начале 1933 г. советско-французские отношения находились на распутье: политическое потепление явно опережало развитие практических связей. В Москве с 1924 г. находился французский посол, но дипломаты, занимавшие эту должность, до сих пор мало способствовали укреплению отношений между двумя странами. Жан Эрбетт, являвшийся послом до 1931 г., проделал впечатляющую эволюцию от вполне лояльно настроенного дипломата до яркого противника советской власти, в своих отчетах открыто писавшего о скором вторжении Красной Армии в Европу с ее последующей советизацией [9]. Его отношения с наркоматом по иностранным делам (НКВД) под занавес пребывания в Москве испортились настолько, что простые коммуникации между СССР и Францией оказались парализованы. Присланный на замену Эрбетту в 1931 г. граф Франсуа Дежан не смог изменить ситуацию и, по собственному признанию, оказался в Москве в ситуации изоляции [Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 431. Л. 122.].

В конце 1932 г. созрели благоприятные условия для углубления отношений между Москвой и Парижем. Левоцентристский кабинет Эррио в ноябре подписал с СССР пакт о ненападении. Тогда же полным ходом шли переговоры об обмене военными атташе. В Париже сформировалась узкая, но достаточно активная группа сторонников качественного улучшения отношений с Москвой. Ее возглавлял подполковник Жан де Латтр Тассиньи, офицер штаба командующего сухопутными силами генерала Вейгана. Помимо него к ней принадлежали будущий военный атташе полковник Мандра и бизнесмен Робер Кероль. Извне ее поддерживал член Палаты депутатов, левоцентрист Анатолий де Монзи [19]. Альфан

непосредственно к ней не принадлежал, однако через ряд лиц был знаком с де Латтром. Вероятно, его назначение в Москву не случайно совпало с выбором кандидатуры Мандра как военного атташе — им предстояло работать рука об руку для улучшения двусторонних отношений.

В ходе своей первой встречи с председателем Совета народных комиссаров В. М. Молотовым Альфан заявил: «[В моем лице Вы имеете] убежденного сторонника франко-советского сближения» [2, с. 415]. Однако какие конкретные цели и задачи стояли перед ним в Москве? Судя по документам, он обладал определенной автономией: послу предстояло сориентироваться на месте и понять, какие вопросы имели приоритет в двусторонней повестке. Во многом это было связано с тем обстоятельством, что к моменту официального назначения нового посла (март 1933 г.) его патрон Эррио, инициировавший сближение с Москвой с французской стороны, находился уже не у власти. Поль-Бонкур, занявший министерский кабинет на Кэ д'Орсэ, также был настроен в пользу развития диалога с СССР, но тогдашний глава совета министров Эдуард Даладьё вел достаточно осторожную политику. Зимой-осенью 1933 г. он не терял надежд на соглашение с Германией в рамках международной конференции по разоружению в Женеве или в формате «пакта четырех», инициированного Италией [22, р. 105–115]. В подобной ситуации системное сотрудничество с Москвой на повестке дня не стояло: оно могло лишь ограничить поле для маневра, имевшееся в распоряжении французской дипломатии. Как опубликованные, так и архивные документы МИД Франции не содержат в себе следов каких-либо подробных инструкций, которые мог бы получать Альфан. Они свидетельствуют скорее об обратном: в первые месяцы своего пребывания в Москве посол сам определял основные направления возможного сотрудничества между двумя странами.

По его мнению, начинать следовало с политики «малых дел». Обсуждать широкие перспективы будущего взаимодействия не имело смысла в то время, когда в Париже отсутствовало сколько-нибудь четкое видение места и роли СССР в архитектуре европейской безопасности. Именно в больших вопросах сильнее всего

сказывались идеологические противоречия между двумя режимами и, обсуждая их, можно было легко зайти в тупик. В то же время «малые дела» могли дать многое. В ходе первых же встреч с московскими собеседниками (наркомом по иностранным делам М. М. Литвиновым и его заместителями, председателем Совета народных комиссаров В. М. Молотовым) Альфан сделал акцент на проблемах военного сотрудничества и развития торгово-экономических связей [2, с. 411–416].

В военной сфере режим максимального благоприятствования для атташе полковника Э. Мандра мог сломать лед недоверия между двумя армиями, что само по себе означало многое: именно военные в Париже выступали одними из главных скептиков по поводу перспектив сотрудничества с СССР. Кроме того, развитие военных контактов могло стать первым шагом к проникновению французских технологий и капитала в советскую промышленность, транспорт, инфраструктуру. Этому же способствовала бы и активизация торговли, что имело, помимо прочего, серьезную политическую составляющую: Москва традиционно ставила этот вопрос на одно из первых мест в своих отношениях с западными странами, а упадок советско-французской торговли в начале 1930-х гг. рассматривался советским руководством как важнейший аспект двусторонней повестки дня. В случае снятия барьеров для свободного торгового обмена свои дивиденды получили бы и французские производители, в 1933 г. в полной мере ощутившие на себе влияние мирового экономического кризиса. Первоочередное значение, по мнению Альфана, имело заключение постоянного торгового договора.

В политической плоскости инициативы посла выглядели достаточно скромно. В конце сентября по горячим следам визита в СССР Эррио и министра авиации Франции П. Кота, который, по мнению Альфана, произвел в Москве благоприятное впечатление, он предлагал французскому правительству формально присоединиться к конвенции об определении агрессии, разработанной народным комиссариатом по иностранным делам (НКВД) в 1933 г. [4, с. 41]. Этот «символический жест политического сближения и личного удовлетворения для Литвинова» не требовал серьезно-

го разворота французской политики и вполне вписывался в логику локарного порядка. Вкупе с развитием торгового и военного сотрудничества он, по словам Альфана, «давал удобную с моральной точки зрения возможность создать новое равновесие сил, способных обеспечить нашу безопасность и гарантировать мир» [Archives du Ministère des Affaires Etrangères (AMAE). Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 960. Alphan à la Ministère des Affaires Etrangères, le 28 septembre 1933].

Альфан, в целом, верно определял корень советско-французских проблем — колоссальное взаимное недоверие. И если в случае с Советским Союзом количество людей, которых требовалось убедить, исчислялось несколькими десятками, то во Франции предстояло работать с широкими кругами элит и общественным мнением. В беседах с советскими дипломатами он сразу расставил точки над «и»: «Даже несмотря на происшедший перелом, отношениями с СССР в Париже занимаются очень мало. Он ставит одной из своих основных задач именно заинтересовать влиятельные круги во Франции проблемой отношений с СССР... Рапортами ничего не достигнешь, Их почти никто не читает. Другое дело — устные беседы очевидца... дело не только в самых крупных людях.. Нужно учитывать личные интересы не только отдельных парламентариев, но часто и их клиентов. Иногда здесь те или другие дела кажутся маленькими и незначительными, однако при французских порядках они имеют большое значение. Заинтересованные лица воздействуют на парламентариев, а парламентарии — на правительство» [2, с. 416]. Советские колебания, связанные с большой текучестью французской политической жизни и частой сменой правительств, Альфан пытался снять, убеждая советских визави в том, что если дело советско-французского сближения завоюет популярность у средней бюрократии и парламентариев, то ни одна смена кабинета не сможет поменять заданный вектор.

Конечной целью Альфана являлось максимально способствовать «расширению международных отношений между Советским Союзом и другими странами». Интеграция СССР в мировое сообщество, недавно начавшаяся в рамках политики М. М. Литвинова, должна была пойти по французскому пути. Эта задача, вероятно,

являлась магистральной для всей просоветской группы во французских верхах. Буквально о том же в своих отчетах писал Мандра: Франция, по его мнению, должна была заменить собой Германию в качестве ключевого партнера России в Европе [Service Historique de l'Armée de Terre (SHAT). 7N3121. Compte rendu du Colonel Mendras de voyage en Ukraine, 20 octobre 1933]. Германия вообще достаточно эпизодически фигурировала в ходе переговоров Альфана на протяжении первых месяцев его пребывания в Советском Союзе. Он делал акцент на советско-французском сотрудничестве как самоценности, не указывая, против кого оно направлено. При этом он, конечно, отдавал себе отчет в том, что весь замысел его миссии связан с ростом германской угрозы. Однако ставить вопрос открыто, означало переходить на политический уровень, затрагивать те самые «крупные линии», чреватые разногласиями. «Мягкое» вовлечение Москвы во французские механизмы влияния могло сделать всю работу постепенно, к тому же до октября 1933 г. фактор опасности гитлеровской политики в Париже в полной мере не осознавался [17, р. 59].

Таким образом, у Альфана имелась достаточно подробная программа работы в Москве. Насколько успешно он смог ее реализовать? В 1933–1934 гг. посол активно работал над развитием военных связей совместно с полковником Мандра, и многое здесь было сделано: впервые в рядах Красной Армии стажировались французские офицеры, развивались контакты в военно-технической сфере. Однако уже в конце 1933 г. стало понятно, что здесь существуют труднопреодолимые препятствия субъективного характера. Альфан принял активное участие в организации обмена военно-морскими миссиями, которые должны были изучить судостроительное дело, соответственно, в СССР и Франции. Он рассчитывал на то, что именно здесь можно найти ту основу, которая станет фундаментом для будущего сближения: французское судостроение испытывало на себе тяжелые последствия мирового кризиса, а советский военно-морской флот отчаянно нуждался в технологиях. Фактически, именно посол наряду с Мандра и являлся инициатором всего проекта военных обменов. Успеха, в конечном итоге, добиться не удалось. На высшем уровне в Париже для плана, сформулиро-

ванного Альфаном, не нашлось лоббиста. В результате советских моряков не допустили на те объекты, которые были обозначены в предварительном соглашении, что было воспринято в Москве как попытка обмана. В свою очередь советская сторона до последнего отказывалась принимать у себя французских моряков, подозревая их в работе на спецслужбы [Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. За. Д. 500. Л. 128–133].

Быстро забуксовала и деятельность по развитию торгово-экономических отношений. Здесь источником проблемы стала позиция французского правительства. Альфан постоянно указывал на особую значимость торгового вопроса для советской стороны и настаивал на ускоренном заключении постоянного торгового соглашения вместо временного, подписанного в январе 1934 г. [11, р. 735–737]. Посол указывал на особое значение разработки программ кредитования для развития торговли и настаивал на принципиальном решении долгового вопроса с учетом советских пожеланий. Альфан никогда не забывал про острый для двусторонних отношений долговой вопрос, вместе с тем он полагал, что частью долгов, например, государственных, можно пожертвовать ради решения фундаментальной задачи советско-французского сближения. Однако в Париже торговый вопрос поставили на паузу. Представление о его взаимосвязанности с политическими сюжетами если не отсутствовало, то не фигурировало в качестве руководства к действию. В ответных письмах Альфану из Парижа вопросы развития торговли занимали одно из последних мест [12, р. 316–320].

Главная задача Альфана — расширение международных отношений между Советским Союзом и другими странами — уже в конце 1933 г. начала уступать место выработке практического механизма противодействия германскому реваншизму. По мнению посла, его главным компонентом должна была стать интеграция СССР в механизм коллективной безопасности во главе с Лигой Наций, однако это предполагало изменение ряда ключевых установок советской внешней политики. Альфан настаивал на принятии Москвой механизма арбитража. «Никакие конвенции, — отмечал он в беседе с членом коллегии НКВД Б.С. Стомоняковым, — не помогут нам против агрессивных государств, если у нас не будет возможности

обратиться к инстанции, которая смогла бы в обязательном порядке заняться конфликтом и его разрешить. В сущности, что дают материально заключенные нами конвенции об агрессоре? Кто будет судьей в случае нарушения этих конвенций кем-либо из их участников?». Подобный подход совпадал с тем, в каком направлении следовала сама советская дипломатия во главе с Литвиновым, хотя инерция неприятия Советским Союзом любого арбитража наднациональной структуры, подконтрольной капиталистическим государствам, сохранялась [2, с. 413].

Специфика советской дипломатии и самого советского дискурса о внешнем мире, их несовпадение с теми подходами и взглядами, которые бытовали на Западе после окончания Первой мировой войны, являлись, по мнению Альфана, главным препятствием к диалогу между Москвой и Парижем. «Советская дипломатия, недоверчивая и закрытая, мнительная и подозрительная, имеет неизменную склонность видеть в наших действиях скрытые маневры и постоянно опасается поворота нашей внешней политики» [12, р. 68], — отмечал он в письме в министерство иностранных дел в ноябре 1934 г. При этом посол настаивал на том, что локальная политика, предполагавшая решение проблемы европейской безопасности совместно с Берлином, имеет объективные ограничения в ситуации роста германского реваншизма и экспансионизма. Соглашение с Москвой в этой ситуации становилось насущной необходимостью.

Альфан уверенно развенчивал те образы Советской России, которые в своих отчетах в Париж в течение долгих лет создавал Эрбетт. «[Советское руководство], — писал он в феврале 1935 г., — отказывается от идеи перманентной всеобщей революции, здесь хотят “строить СССР”. Для этого необходим порядок внутри страны и мир вовне ее. Мировая революция, коммунизм отходят на второй план для руководителей [СССР], они остаются инструментом давления на внешних врагов из лагеря буржуазии, остаются во фразеологии, которая постепенно становится ритуальной, но все больше исчезают из политической реальности ежедневной работы и заслоняются старыми методами управления, присущими славянам: принуждением и полурабством» [13, р. 315]. Альфан не был поклонником советского общественно-политического строя. Советскую

систему он прямо называл диктатурой, Сталина — «настоящий восточным владыкой, остающимся невидимым для иностранных дипломатов» [АМАЕ. Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 967. Alphand à Louis Barthou, 20 juillet 1934], Россию — страной, скорее азиатской, чем европейской, где «железная рука государства» являлась насущной необходимостью [13, p. 315]. Вместе с тем он был убежден в том, что стратегические интересы Франции необходимо отделять от идеологических антипатий. «Если стоит задача сдерживать Советы, необходимо сотрудничать с Германией, как она сама часто предлагала, если надо защититься от Германии — с Москвой. У Франции нет ни одной причины для конфликта с СССР. Она имеет все основания опасаться откровенных реваншистских настроений Германии» [12, p. 68].

Посол активно поддержал проект Восточного блока, предложенный Москве министром иностранных дел Франции Жозефом Поль-Бонкурром в октябре 1933 г. и поддержанный его преемником Луи Барту в конце 1933 — начале 1934 гг. Альфан, возможно даже в большей степени, чем сам Барту, склонялся к схеме прямого советско-французского сотрудничества, направленного против Германии и, при необходимости, оставлявшего на втором плане Польшу. Отношение посла к полякам оставалось неизменно скептическим на протяжении всех трех лет его пребывания в Москве. Трудно сказать, что это было: попытка угодить Москве или его убеждения [Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 05. Оп. 15. П. 111. Д. 97. Л. 5.]. Впрочем, главная сложность с реализацией проекта Восточного пакта, по мнению посла, заключалась не в позиции Варшавы: Альфан считал, что уверенное движение Франции к соглашению с Москвой заставит Польшу пересмотреть свое изначально негативное отношение к Восточному пакту [АМАЕ. Série Z (Europe, 1918–1940). URSS. 970. Alphand à Paris, 14 novembre 1934]. Требовалось доходчиво разъяснить советской стороне суть французского замысла: многосторонность не равняется попытке размыть обязательства, а отсутствие военной конвенции не означает неэффективность. Советские и французские предложения могли различаться, но, по мнению посла, они, так или иначе, вели в одном направлении.

В марте 1935 г., в тот момент, когда проект советско-французского соглашения находился на грани срыва, Альфан направил в Париж список советских озабоченностей, которые достаточно точно отражали реальную картину дел: опасение закулисной сделки между западными демократиями и Германией, которая позволит Гитлеру легально перевооружиться; страх перед возможным созданием европейской «директории» великих держав, которая закрепит изоляцию СССР и повернет германскую агрессию на восток; непонимание того, почему Лондон и Париж уделяют столь пристальное внимание возвращению Германии в Лигу Наций в то время, как Берлин, очевидно, нарушал все общепринятые международные правила [14, р. 37]. При всем своей скептическом отношении к природе советского политического строя, Альфан настаивал на том, что озабоченности Москвы должны быть приняты во внимание.

В начале апреля 1935 г. в письме преемнику Барту Пьеру Лавалю Альфан дал развернутую характеристику советской внешней политики: «Правительство СССР примет любую комбинацию, которая реально поможет помешать войне: заключение пактов, определение агрессора, укрепление Лиги Наций. При этом оно останется убежденным в том, что эта цель будет достигнута лишь в том случае, если агрессор, кем бы он ни являлся, *немедленно, без возможных консультаций и дискуссий* (выделено в документе — А.В.) неизбежно столкнется с силами, способными остановить его продвижение. Я по-прежнему считаю, что наилучшим способом добиться этого стало бы подписание заинтересованными державами пакта о взаимопомощи, открытого для всех желающих» [14, р. 238]. Это предложение явно диссонировало с той линией, которую проводил Лаваль — затягивать переговоры, пытаясь таким образом либо изменить поведение Германии, либо добиться заключения некоего широкого соглашения, в котором СССР являлся бы лишь одним из элементов. В конечном итоге Парижу пришлось пойти по тому пути, который наметил его посол в Москве: 2 мая 1935 г. советско-французский пакт о взаимопомощи был подписан.

Это событие стало пиком деятельности Альфана в качестве посла в Советском Союзе, а возможно и апофеозом всей его карье-

ры. Посол рассматривал пакт в качестве первого шага к большому советско-французскому альянсу. Он рассчитывал на то, что столь мощный блок, к которому могли примкнуть и другие государства Восточной Европы, самим фактом своего существования мог умерить гитлеровский экспансионизм. «Но, — оговаривался Альфан, — он остался бы лишь фасадом без внутреннего содержания, лишь пугалом, которое не испугало бы потенциального агрессора, если бы соглашение о его учреждении не предполагало гарантий на случай неудачи миротворческого замысла и начала войны» [15, р. 63]. Развивая эту мысль, посол говорил о необходимости договоренности между генеральными штабами двух стран и соглашения об оказании Советским Союзом помощи военными поставками французским союзникам в Восточной Европе — Польше и Румынии. В этой части предложения Альфана полностью совпадали с тем, на что тогда же рассчитывала группа де Латра де Тассиньи, и чего будет добиваться в августе 1939 г. французская военная миссия в ходе трехсторонних англо-франко-советских переговоров в Москве.

Начиная со второй половины 1935 г., Альфан констатировал охлаждение советско-французских отношений. В письме в Париж в декабре 1935 г. он точно определил одну из его ключевых причин: «Франко-русская политика, имеющая своими основами реалии географии и демографии, идею баланса сил в Европе и общность — по крайней мере, временную — интересов и целей, должна быть освобождена от влияния внутривнутриполитического фактора... В то время как франко-русское соглашение, являющееся, по моему мнению, необходимой основой устойчивого мира, должно отталкиваться лишь от национальных интересов нашей страны, создается впечатление, что оно все чаще становится ставкой в борьбе партий, которая разделяет Францию. Мы бы чрезвычайно исказили курс нашего правительства, если бы франко-русская политика стала доменом антифашистов и предметом нападок их противников» [16, р. 480].

Альфан на себе испытывал все негативные последствия того тупика, в который постепенно заходили советско-французские отношения. Пакт о взаимопомощи почти год оставался без ратификации французской стороной. Москва неоднократно делала на этот счет

представления послу, как и по вопросу подписания торгового соглашения. «Альфан со мной соглашался, охал, вздыхал, но ничего, конечно, не мог обещать» [3, с. 27], — сообщал по этому поводу в январе 1936 г. Литвинов. Активность посла, очевидно, шла на спад. В ноябре 1936 г. он покинул СССР. В целом, его программа оставалась нереализованной. С чем это было связано? Главной причиной представляется тот факт, что Альфан, несмотря на свой статус, не просто действовал один. Ряд шагов он был вынужден предпринимать под собственную ответственность. Инструкции, которые он получал, содержали лишь самые общие указания. Альфан был отличным исполнителем — грамотным и главное мотивированным. Но в Париже не было того, кто мог бы его поддержать. Даже Барту делал акцент лишь на политических вопросах двусторонних контактов, не рассматривая проблему с точки зрения выстраивания полноценной системы советско-французских отношений [25, р. 220]. Особое целеполагание советской дипломатии, присущий ей взгляд на мир, испытывавший на себе влияние идеологии, — все это требовало от Кэ д'Орсэ отдельного подхода и решений, часто не вписывавшихся в ту модель внешней политики, которая была взята ею на вооружение после заключения Локарнских соглашений в 1925 г. [21, р. 241–242]. Альфан понимал это, однако его призывы остались без ответа, что во многом обусловило провал попытки создания советско-французского альянса накануне Второй мировой войны.

Список литературы

1. Белоусова З. С. Франция и европейская безопасность, 1929–1939. М.: Наука, 1976. 418 с.
2. Документы внешней политики СССР: в 24 т. М.: Политиздат, 1970. Т. 16. 920 с.
3. Документы внешней политики СССР: в 24 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 19. 824 с.
4. Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 318 с.
5. Манфред А.З. К истории советско-французского договора о взаимной помощи 1935 г. // Французский ежегодник, 1961. М.: Издательство АН СССР, 1962. С. 458–468.

6. Наринский М. М. Отношения между СССР и Францией. 1933–1937 год // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы / Отв. ред. М. М. Наринский. М., 2003. С. 69–103.
7. Bach A. Le colonel Mendras et les relations militaires franco-soviétiques: 1932–1935. Mémoire de maîtrise d'Histoire. Paris: Université Paris-I Panthéon-Sorbonne, 1981. 230 p.
8. Carley M.J. A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // *Diplomacy & Statecraft*. Vol. 17. 2006. No. 2. P. 295–346. DOI 10.1080/09592290600695292
9. Denéchère Y. Jean Herbet (1878–1960): Journaliste et ambassadeur. Bruxelles: P.I.E-Peter Lang, 2003. 394 p.
10. Dessberg F. Le triangle impossible. Les relations franco-soviétiques et le facteur polonais dans les questions de sécurité en Europe (1924–1935). Bruxelles: P.I.E-Peter Lang, 2009. 440 p.
11. Documents diplomatiques français, 1932–1939. 1er série (1932–1935). Paris: Imprimerie nationale, 1967. T. 3. 928 p.
12. Documents diplomatiques français, 1932–1939. 1er série (1932–1935). Paris: Imprimerie nationale, 1979. T. 8. 738 p.
13. Documents diplomatiques français, 1932–1939. 1er série (1932–1935). Paris: Imprimerie nationale, 1980. T. 9. 731 p.
14. Documents diplomatiques français, 1932–1939. 1er série (1932–1935). Paris: Imprimerie nationale, 1981. T. 10. 760 p.
15. Documents diplomatiques français, 1932–1939. 1er série (1932–1935). Paris: Imprimerie nationale, 1984. T. 13. 776 p.
16. Documents diplomatiques français, 1932–1939. 2e série (1936–1939). Paris: Imprimerie nationale, 1964. T. 2. 763 p.
17. Duroselle J.-B. La Décadence, 1932–1939. Paris: Imprimerie nationale, 1979. 586 p.
18. Guelton F. Jean de Lattre de Tassigny et les relations franco-soviétiques au début des années trente // *Revue Historique des Armées*. 2002. No. 2. P. 3–10.
19. Guelton F. Les relations militaires franco-soviétiques dans les années trente // *La France et l'URSS dans l'Europe des années 30* / dir. M. M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. O. Tchoubarian. Paris: Presse de l'Université de Paris-Sorbonne, 2005. P. 61–72.
20. Haslam J. The Soviet Union and the Struggle for Collective Security in Europe, 1933–1939. London: Palgrave Macmillan, 1984. 310 p.
21. Jackson P. The failure of diplomacy, 1933–1940 // *The Cambridge History of the Second World War: Volume 2, Politics and Ideology* / ed. R.J.B. Bosworth, J. Maiolo. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 217–252.

22. Réau E. du. Édouard Daladier, 1884–1970. Paris: Fayard, 1993. 581 p.
23. Scott W.E. Alliance Against Hitler. The Origins of the Franco-Soviet Pact. Durham: Duke University Press, 1962. 296 p.
24. Soutou G.-H. Les relations franco-soviétiques, 1932–1935 // La France et l'URSS: dans l'Europe des années 30 /// La France et l'URSS dans l'Europe des années 30 / dir. M. M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. O. Tchoubarian. Paris: Presse de l'Université de Paris-Sorbonne, 2005. P. 31–60.
25. Young R. Power and Pleasure: Louis Barthou and the Third French Republic. Montreal: McGill-Queen's University Press. 330 p.

Aleksandr Vershinin,

Cand. Sci. (Hist.), Ural Federal University, Senior Research Associate, Yekaterinburg, Russia; Lomonosov Moscow State University, Senior Lecturer, Moscow, Russia

“IN MY PERSON YOU HAVE A CONVINCED SUPPORTER OF FRANCO-SOVIET RAPPROCHEMENT”: CHARLES ALPHAND, FRENCH AMBASSADOR TO THE SOVIET UNION (1933–1936)

The article is devoted to the activities of the French diplomat Charles Alphand as the Ambassador of France to the Soviet Union in 1933–1936. He belonged to the group of the French military-political elite, which in the early 1930s advocated the need for cooperation with the USSR as a counterbalance to the growing German threat. In the course of his work in Moscow Alphand attempted to create a dense network of contacts between the USSR and the French military-political and business circles, while trying to overshadow conflict issues. Alphand paid special attention to the prospect of the priority development of military, trade and economic ties, however, due to a number of circumstances, it remained unfulfilled. The ambassador's success was the conclusion of the Soviet-French pact of mutual assistance in May 1935, but his proposals for deepening cooperation up to the formation of a bilateral alliance were not implemented.

Keywords: Alphand, Litvinov, Barthou, Soviet-French mutual assistance pact of 1935.